

DOI: 10.22363/2313-2302-2020-24-4-694-703

Научная статья / Research Article

Время и Просвещение

М.Е. Соболева

Уральский федеральный университет имени первого президента России Б.Н. Ельцина
Российская Федерация, 620002, Екатеринбург, ул. Мира, 19

Предметом анализа данной работы является фраза «Время, вперед!». Показывается, что, с одной стороны, данному высказыванию можно дать социологическую интерпретацию. В таком случае ее содержанием является идея об ускорении и целенаправленности «большого», коллективного, времени, которое властвует над отдельным человеком и детерминирует его жизнь. С другой стороны, обращаясь к Гегелю, можно выявить стоящий за этой фразой проект Просвещения. Он подразумевает движение духа от состояния отчужденности от самого себя в представлении об объекте к самому себе посредством достижения автономии в полагании понятий, которые проверяются единственно его собственной рефлексией. Общественно-значимый смысл такого проекта спекулятивного мышления заключается в избавлении от деспотизма господствующих мнений на пути критического, диалектически-спекулятивного мышления.

Ключевые слова: время, движение, спекулятивное мышление, диалектика, Просвещение, критическое мышление, Гегель

Информация о финансировании и благодарности. Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ, проект № 19-18-00342.

История статьи:

Статья поступила 14.03.2020

Статья принята к публикации 10.05.2020

Для цитирования: Соболева М.Е. Время и Просвещение // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2020. Т. 24. No 4. С. 694—703. DOI: 10.22363/2313-2302-2020-24-4-694-703

© Соболева М.Е., 2020

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Time and Enlightenment

Maja Soboleva

Ural Federal University
19, Mira Str., Ekaterinburg, 620002, Russian Federation

Abstract. The subject of the work's analysis is the phrase “Time, forward!”. It seems that, on the one hand, this statement can be given a sociological interpretation. In this case, its content is the idea of acceleration and purposefulness of the “big,” collective time, which dominates the individual and determines his life. On the other hand, referring to Hegel, one can identify the project of Enlightenment behind this phrase. It involves the movement of the spirit from a state of alienation from itself in the object's idea to itself through the achievement of autonomy in the belief of concepts tested by its reflection alone. The socially significant meaning of such a speculative thinking project is to get rid of the despotism of dominant opinions on the path of critical, dialectical, and speculative thinking.

Keywords: time, movement, speculative thinking, dialectics, Enlightenment, critical thinking, Hegel

Funding and Acknowledgement of Sources. The work was supported by the Russian Science Foundation (RSF), grant № 19-18-00342.

Article history:

The article was submitted on 14.03.2020

The article was accepted on 10.05.2020

For citation: Soboleva M. Time and Enlightenment. *RUDN Journal of Philosophy*. 2020; 24 (4): 694—703. (In Russian). DOI: 10.22363/2313-2302-2020-24-4-694-703

В центре анализа данной статьи находится выражение «Время, вперед!». Рожденным и жившим в СССР это выражение хорошо известно, поскольку она прочно вошло в повседневный язык и даже в определенной мере отражало ментальность советского человека, жившего с 1928 г. во временном ритме пятилетних планов, которые следовало не только выполнять, но и перевыполнять. Автором этой, ставшей крылатой, фразы был Владимир Маяковский. В его пьесе «Баня», написанной в 1929—1930 гг., в последнем действии звучит так называемый «Марш времени», задающий направление и темп социалистического строительства: «Взвивайся, песня, рей, моя, над маршем красных рот! Вперед, время! Время, вперед! Вперед, страна, скорей, моя, пускай старье сотрет! Вперед время! Время, вперед! Шагай, страна, быстрее, моя, коммуна — у ворот! Вперед время! Время, вперед! На пятилетке премией мы — сэкономим год! Вперед время! Время, вперед! Наляг, страна, скорей, моя, на непрерывный ход! Вперед время! Время, вперед! Сильней, коммуна, бей, моя, пусть вымрет быт-урод! Вперед время! Время, вперед! Взвивайся, песня, рей, моя, над маршем красных рот! Вперед, время! Время, вперед!». Своей популярностью эта фраза обязана также Валентину Катаеву, его роману «Время, вперед!», изданному в 1932 г. Название этого романа Катаеву было

подарено Маяковским, а его сюжетно-композиционной основой стала мысль о необходимости ускорения темпов индустриального развития. Позже, в 1965 г., этот роман был экранизован режиссером М.А. Швейцером и появилась советская двухсерийная производственная драма, повествующая о строительстве Магнитогорского металлургического комбината. Музыка к этому фильму написал Г.В. Свиридов. В 1968 г. на основе музыки к этому кинофильму Свиридов создал оркестровую сюиту, названную им «Время, вперед!». Музыка из этой сюиты прочно вошла в жизнь и (под)сознание советских людей в качестве заставки к начавшей выходить с 1968 г. ежедневной программе новостей «Время». История хождения выражения «Время, вперед!» по кругам социалистического общества завершается в семидесятые годы созданием в 1976 г. балетмейстером Д.А. Брянцевым одноименного балета на музыку Свиридова и в 1977 г. режиссером Владимиром Тарасовым вместе с художником Николаем Кошкиным одноименного мультфильма, построенного на стихах Маяковского. Заметим, что мультфильм заканчивается запуском звездолета «Владимир Маяковский» в космос для обезвреживания обнаруженного вдалеке от Земли вируса собственничества и приобретения.

Характерно, что во всех своих культурно-идеологических ипостасях, начиная с тридцатых и кончая семидесятыми годами двадцатого века, метафора «Время, вперед!» отражает и выражает прежде всего такой аспект времени, как ускорение. Разумеется, что здесь имеется в виду не физический феномен — скорость, отнесенная ко времени, т.е. быстрота изменения скорости, а культурно-социальный. В этом отношении ускорение можно понять, например, как увеличение плотности событий в единицу времени или как опережение нормального темпа событий, что особенно ярко проявилось в дискурсах о хозяйственных планах и темпах социалистического строительства в целом. Кроме того, формула «Время, вперед!» нередко намечала вектор направления движения. Этот вектор соответствовал поступательному ходу истории от капитализма к социализму, понимаемому как общество, основанное на коллективной собственности на средства производства. В совокупности ускорение и целенаправленность времени стали выражением власти времени над человеком, его детерминированности временем, его включенности в «большое», коллективное, время. Можно подумать, что такой социологический смысл фразы «Время, вперед!» полностью исчерпывает ее содержание. Однако это высказывание имеет и иной смысл. Реконструкция этого смысла составляет предмет данной статьи.

Моя гипотеза состоит в том, что выражение «Время, вперед!» имеет более древнюю историю, и одним из авторов его можно считать Георга Вильгельма Фридриха Гегеля. Так, в одном из своих писем в 1816 г. Гегель пишет: «Я считаю, что *мировой дух скомандовал времени вперед*¹. Этой команде противятся, но целое движется, неодолимо и неприметно для глаз, как

¹ Выделено автором данной статьи.

бронированная и сомкнутая фаланга, как движется солнце, все преодолевая и сметая на своем пути» [1. С. 357]. Дух предстает далее в этом письме как «колосс», надевший «сандалии бога» с «подвижными подошвами» или «семимильные сапоги», которые уже больше невозможно с него снять. Общественно-политический контекст этого высказывания прозрачен — это поражение французской революции 1789 года, формально закрепленное в договорах Венского конгресса 1814—1815 годов, направленных на восстановление феодально-абсолютистских монархий, разрушенных французской революцией 1789 года и наполеоновскими войнами. 1816 год, время написания письма, отмечен усилением реакции, которая Гегелю представляется как «успехи муравьиных, клопных и блошиных личностей» [1. С. 358]. Смысл письма состоит, таким образом, в выражении уверенности в том, что, несмотря на неблагоприятную общественно-политическую обстановку, которая отбросила общество назад — в политическом плане, например, от республики к монархии, а в метафизическом — от эпохи героических личностей типа Наполеона (которого Гегель лицезрел на одном из парадов) к периоду господства посредственностей — невозможно остановить прогрессивный поступательный ход истории. Вопрос, который здесь сам собой напрашивается для читателя этого письма, это вопрос о том, куда, к какой цели, к каким рубежам нацелен временной вектор «вперед».

В анализируемом письме Гегель не раскрывает суть этого движения, но он указывает на то, что надлежит делать в сложившейся неблагоприятной общественной ситуации: «Все, что мы можем сделать [...] — это даже и в беде способствовать их [мелких личностей — прим. авт.] совершенствованию» [1. С. 358]. Из контекста письма видно, что данная фраза может служить ключом к разгадке того, что стоит за фразой «мировой дух скомандовал времени вперед». Она однозначно указывает на то, что движение духа вперед можно понять только в связи с разрабатываемой Гегелем на протяжении всей его жизни системой спекулятивной философии, которая, по его мнению, должна была сменить традиционную формальную логику и схоластическую философию. Пока, однако, связь между заданным им направлением движения духа и спекулятивной философией неочевидна.

В качестве косвенного подтверждения гипотезы о наличии такой связи может служить ссылка на письмо молодого Шеллинга к Гегелю от 1795 г., в котором он пишет: «Мы оба стремимся вперед², мы оба стремимся к тому, чтобы рожденное нашим временем великое дело не слилось вновь с прокисшим тестом былых времен. Это дело должно оставаться чистым у нас, как оно было создано гением своего создателя, и, быть может, будет передано нами грядущему не с искажениями и не с низведением к старой унаследованной форме, но во всем его совершенстве, во всем его возвышенном облике и с открытым объявлением войны не на жизнь, а на смерть всему прежнему устройству мира и наук» [2. С. 220]. Далее в этом письме Шеллинг говорит

² Выделено автором данной статьи.

о необходимости развивать критическую философию в духе Канта и «продвигать вперед революцию», начатую «Критикой чистого разума», а также выражает уверенность в том, что именно Гегель в состоянии закрыть «и последние лазейки всяких предрассудков» [2. С. 221]. В своем ответе Шеллингу от 16 апреля 1795 г. Гегель пишет: «От Кантовой системы и ее высшего завершения я ожидаю в Германии такой революции³, которая будет исходить из принципов, уже наличествующих и лишь нуждающихся в том, чтобы они были всесторонне разработаны и применены ко всему имеющемуся знанию» [3. С. 223]. Из этой переписки видно, что он полностью разделяет взгляд Шеллинга на то, что им обоим присуще стремление вперед по пути, проложенному при помощи критических философских теорий.

Теперь становится очевидным, что для Гегеля устремленность духа «вперед» связана с новым пониманием философии и философской деятельности, которое можно обнаружить у Канта и следующих за ним — в смысле следования духу, а не букве кантовского критического подхода — Гете, Якоби, Фихте, а также Шеллинга и него самого. Личный вклад Гегеля в этот процесс непосредственно связан с возможностями, предоставляемыми открытым им спекулятивным мышлением. Что же такое «спекулятивное» мышление? Это тип мышления, в котором Гегель видел кульминацию развития человеческих мыслительных способностей как таковых. Его коротко можно охарактеризовать как *движение по пути развития понятий к истинам, покоящимся в самих себе, и к порядку, основанному на знании этих истин*.

Что это означает? Отметим сначала, что спекулятивное мышление Гегель противопоставляет, с одной стороны, рассудочному, а с другой — диалектическому. Интерпретируя рассудочное мышление, Гегель следует Канту и, как и он, полагает, что «рассудочные понятия ограничиваются тем, что с их помощью познают одни лишь явления» [4. С. 444]. Здесь понятие возникает посредством соотнесения его с объектом, а это одновременно означает его ограничение объектом, поэтому рассудочное понятие всегда обусловлено. Гегель считает, что «родная стихия таких определений — мир конечных вещей, или, иными словами, в подобных определениях следует искать только конечное» [4. С. 444]. Поэтому рассудочные понятия, основывающиеся на представлении, «не могут постигнуть истинное» [4. С. 444]. Он повторяет далее в письме, что «представление есть познание, стоящее в отношении к чему-то, т.е. связанное с каким-нибудь предварительным условием. [...] У представления — другая почва, а не познание абсолютного» [4. С. 445]. Задача же в познании состоит не просто в том, чтобы определить в понятии какую-нибудь вещь, а в том, чтобы прорваться через конечные, заданные вещами границы на пути к истине, которая вскрыла бы скрытые законы существования данных вещей или скрытые связи между вещами. Это значит, что необходимо выйти за пределы конечной, то есть ограниченной чувственностью, сферы и вступить в бесконечную сферу мысли, поскольку истина, по Гегелю, не может

³ Выделено автором данной статьи.

быть понята единственно как соответствие понятия объекту. Другими словами, она не может быть внешне ограниченной. Философ полагает, что «для познания истинного в конечном следует искать другое определение и другую форму, чем форма его [Канта — прим. авт.] категорий» [4. С. 445].

За этим требованием стоит понимание того, что рассудочное, дискурсивное мышление — это только начало; что истина есть не простое указание на какой-то факт, а выражение некой идеи. При этом идея должна иметь иную, отличающуюся от соответствия форму, какой обладают кантовские категории, а именно форму единства с самой собой. Отметим, что в этом отношении Гегель следует за Лейбницем, подразделяющим истины на «истины факта» и «истины разума». Например, утверждение, что «роза красная», — это истина факта, обусловленная самим предметом. Причем, такая «конечная» истина обладает условным характером в том смысле, что можно было бы условиться называть красное зеленым и т.д. Напротив, утверждение, что «знание — сила», — это истина разума, так как доказать это утверждение можно только путем понятийного рассуждения, рефлексии, а не путем сведения этого высказывания к некой фактичности.

Бесконечная сфера, сфера истины, таким образом, требует разрушения конечного знания и выхода за пределы рассудочного мышления, а это достигается за счет диалектического мышления. Диалектическое мышление есть не что иное, как движение мысли, способное как к обнаружению противоречий в суждениях и понятиях об объектах, так и к их снятию. Поэтому, диалектическое мышление есть, с одной стороны, мышление скептическое, которое ставит под вопрос существующие мнения и знания.⁴ Это необходимый негативный момент в развитии идеи. С другой стороны, поскольку «диалектическое здесь порождает себя само, и в нем именно и заключено спекулятивное, поскольку уже понято позитивное в диалектическом» [5. С. 330], то диалектическое выступает как момент позитивный. Диалектическое мышление в единстве своих негативного и позитивного моментов отражает развитие идеи. Идея, таким образом, по Гегелю, — есть не нечто вневременное, а, напротив, она постоянно живет во времени. Диалектика, следовательно, отражает временной характер идеи.⁵

Диалектика — это, однако, только этап на пути развития идеи, а конечная цель познания заключается в том, чтобы достичь самотождественной идеи, идеи, которая обосновывала бы себя через себя саму, была бы причиной

⁴ Это можно заключить, в частности, на основании объяснения, данного Гегелем инспектору гимназий Нитхаммеру, по поводу проведения «практических упражнений в спекулятивном мышлении». Гегель пишет: «Диалектическое можно было бы преподносить учащимся только эпизодически, причем скорее в виде недостаточности какого-нибудь определения мысли, чем в соответствии с его собственной природой, так как юношество воспринимает вначале позитивное содержание» [5. С. 330]

⁵ Заметим, что такое понимание идеи возможно, если отказаться от традиционного платоновского понимания идеи как образа и перейти к идее-концепту или к идее-понятию, что радикально и последовательно осуществил в своей философии Кант.

самой себя, *causa sui*, подобная кантовскому самоопределяющемуся практическому разуму. Такая идея не лежит на поверхности объектов, а, напротив, определяет сущностно их внутренний способ бытия.

Радикализм Гегеля в этом отношении проявляется в том, что он допускает, что «истинное бытие истинно само по себе и не нуждается в представлении как в своем предварительном условии» [4. С. 445]. Если ориентированное на представление рассудочное мышление предполагает независимый предмет и знает истину только в качестве *относительного* совпадения бытия с самим собой как единство представления и бытия, то «истинность же бытия самого по себе, наоборот, есть абсолютное совпадение бытия с самим собой» [4. С. 445]. Такое совпадение не означает, что абсолютная истина носит абстрактный характер, ибо в этом случае невозможно было бы говорить о познании. Напротив, Гегель пишет: «с точки зрения философски абсолютного я определяю истинное как само по себе конкретное, т.е. [...] как единство противоположных определений, но таким образом, что это противопоставление в единстве еще сохранено, или же: я определяю истинность не как нечто застывшее, застойное (т.е. как абстрактную идентичность, как абстрактное бытие), но как движение, как самую жизнь, как неразличимость, понятую только как кажущуюся в себе неразличимость или неразличимость, заключающую в себе некоторое различие, которое как существующее в ней в единстве в то же время не есть различие — как различие снятое, т.е. уничтоженное и вместе с тем сохраненное; каковое потому, что оно — лишь кажущееся, вообще — не есть» [4. С. 446]. Примерами, иллюстрирующими эту мысль Гегеля, могут служить математические формулы или выраженные в математической форме законы природы, которые несмотря на свою абстрактность носят конкретный характер. Выражаемое в таких понятиях тождество не является аналитическим по типу «А есть А», а носит синтетический характер, когда одно понятие представляется через другое. Так, формула $E = mc^2$, будучи плодом абстрактного мышления, носит строго конкретный характер, раскрывая взаимосвязь между понятиями энергии и массы. Средством достижения таких абсолютных истин, которые способны раскрываться путем анализа составляющих их понятий, является, согласно Гегелю, спекулятивное мышление. Последнее есть обсуждение «действительных, чистых понятий в их спекулятивной форме, а именно это и есть сама истинная логика» [5. С. 329]. Спекулятивная мысль не отражает чувственно воспринимаемую действительность, не идет вслед за ней, а само создает символическую действительность как особую реальность, сотканную из понятий (законов, норм и т.д.), причем эта понятийная реальность должна схватывать само бытие мира. Реальность таких спекулятивных понятий, а не рассудочных, должна составлять ту духовную сферу, в пределах которой протекает человеческая жизнь (право, религия, искусство, наука и т.д.).

На основании вышесказанного становится понятным, почему Гегель придавал огромное значение способности к спекулятивному мышлению, связывая с ним возможность духовной «революции» в обществе. Согласно ему

функционирование спекулятивного мышления не ограничивалось исключительно сферой теоретического знания. Напротив, спекулятивное мышление, нацеленное на раскрытие абсолютной истины, которая заключается в самоидентификации идеи, должно было стать основой практики, играя роль кантовских регулятивных идей в жизни человека. В этом отношении Гегель придерживается традиционного мнения о том, что истинное знание не должно оставаться «чистым», а должно служить в качестве ориентира для деятельности. Он убежден в практической полезности спекулятивных понятий, в том, что «с распространением идей того, каким что-либо должно быть, исчезнет безразличие серьезных людей, побуждавшее их без колебаний принимать то, что есть, таким, каким оно есть. Эта живительная сила идей — хотя бы они и содержали в себе некоторое ограничение — идей отечества, его конституции и т.д. — возвысит человеческие души, и тогда эти души научатся приносить себя в жертву ради них, ибо в настоящее время дух конституций, заключив союз со своекорыстием, утвердил на нем свое царство» [3. С. 224]. Никогда не останавливаясь в мышлении на том, что есть, а стараться проникнуть в тайну того, каким нечто должно быть, другими словами, не принимать сущее за должное — в этом можно видеть не только программу научных исследований, но и педагогическую стратегию.

Действительно, Гегель исходит из того, что спекулятивному мышлению можно научить — свидетельства этому содержатся в его переписке. Так, будучи директором гимназии и преподавателем философской пропедевтики в Нюрнберге, он пишет одним из своих писем инспектору гимназий Нитхаммеру, отстаивая свою программу спекулятивной логики: «Нельзя мыслить, не имея мысли, нельзя понять, не располагая понятиями. Научиться мыслить можно лишь в том случае, если в голове есть мысли, а понимать лишь тогда, когда в голове есть понятия. Мыслям и понятиям нужно точно так же учить, как учат единственному и множественному числу, трем лицам, частям речи, как учат символу веры и катехизису» [5. С. 330].

В другом письме к Нитхаммеру Гегель пишет о том, что спекулятивному мышлению следует учить «аналогично тому, как учатся читать. Нельзя начинать с того, чтобы читать целые слова, как того хотят сверхмудрые педагоги, а следует начинать с абстрактного, с отдельных палочек. Точно так же дело обстоит с мышлением в логике, где самое абстрактное является самым легким, ибо оно совершенно едино, чисто и беспримесно. Лишь постепенно можно, упражняя ум, продвигаться к чувственному или конкретному, когда те простые буквы как следует закреплены в их различии» [6. С. 327—328]⁶. При этом смысл спекулятивного мышления состоит в выходе за пределы данного в область искомого, но изначально неопределенных, неизвестных истин. Оно представляет собой прорыв из имманентности рассудочного мышления, завязанного на представление, к трансцендентности абсолютного, то есть

⁶ В оригинальном переводе этого текста стоит «где самым абстрактным является самое легкое», что неверно.

истинного бытия. Оно есть движение разума от состояния отчужденности от самого себя в представлении об объекте, от захваченности объектом, к самому себе посредством достижения автономии в полагании понятий, которые проверяются единственно его собственной рефлексией.

В чем заключается общественно-значимый смысл такой программы спекулятивного мышления? Метафора «Время, вперед!» предстает в свете сказанного как девиз своеобразного проекта просвещения в духе Канта. Причем его можно понимать дословно как «*sapere aude*» — имей мужество пользоваться своим собственным рассудком, своими собственными понятиями, а не останавливайся на очевидном. Гегелевский абсолютный идеализм, кульминацией которого является спекулятивное понятие, позволяющее проникнуть в тайны бытия, проявляет себя как философия свободы, поскольку разум здесь ни в коей мере не обусловлен и не скован объектом, но дан и реализует себя посредством самополагания и самоопределения. Таким образом, свобода оказывается альфой и омегой философии утверждающего свой абсолютизм разума. «Конечно, — замечает Гегель, — иные будут ощущать головокружение на столь далекой вершине философии, которая так вознесла человека; однако почему столь поздно встал вопрос о том, чтобы поднять выше достоинство человека, признать его способность быть свободным, способность, которая ставит его в один ряд со всем духовным. Мне кажется, *нет лучшего знаменья времени*, чем то, что человечество изображается как нечто достойное такого уважения. Это залог того, что исчезнет ореол, окружающий головы земных угнетателей и богов» [3. С. 224]⁷.

Смысл свободы заключается, прежде всего, в освобождении от морального деспотизма, господствовавшего в современной Гегелю Германии, установлению которого в немалой степени содействовали «наши философские ничтожества»⁸, или «мнимые философы»⁹. Гегель в своих письмах нередко затрагивает вопрос об общественной роли философии. Согласно ему моральный деспотизм не менее опасен для общества, чем деспотизм политический, поскольку он служит подавлению свободы мысли. Благодаря ему невежество, суеверие и фанатизм способны принимать обличье нравственности и даже рядиться в одежды просвещения. Противоядием против него, по Гегелю, может выступить система философии, признающая диалектически-спекулятивный разум как единственную законодательную инстанцию¹⁰. В этом отношении его проект до сих пор не утратил свой общественно-значимый потенциал.

⁷ Здесь выделение в тексте сделано автором данной статьи.

⁸ Выражение Шеллинга. См. [7. С. 226].

⁹ Выражение Гегеля. См.: [8 С. 231].

¹⁰ Заметим, что историки философии иногда считают, что философия Гегеля не соответствует духу Просвещения, что с нее в истории философии начинается период романтизма. Однако его переписка ясно свидетельствует о просвещенческих намерениях, которые он связывал со своей системой спекулятивной философии.

Список литературы

- [1] 97 (271). Гегель — Нитхаммеру. Нюрнберг, 5 июля 1816 г. // Гегель. Работы разных лет. Т. 2. М., 1971.
- [2] 4 (10). Шеллинг — Гегелю. Тюбинген, 4 февраля [17]95 г. // Гегель. Работы разных лет. Т. 2. М., 1971.
- [3] 5 (11). Гегель — Шеллингу. 16 апреля [17]95 г. // Гегель. Работы разных лет. Т. 2. М., 1971.
- [4] 144 (450). Гегель — Дюбоку. Берлин, 29 апреля 1823 г. // Гегель. Работы разных лет. Т. 2. М., 1971.
- [5] 75 (200). Гегель — Нитхаммеру. Нюрнберг, 24 марта 1812 г. // Гегель. Работы разных лет. Т. 2. М., 1971.
- [6] 73 (196). Гегель — Нитхаммеру. Нюрнберг, 10 октября 1811 г. // Гегель. Работы разных лет. Т. 2. М., 1971.
- [7] 6 (13). Шеллинг — Гегелю. Тюбинген, 21 июля [17]95 г. // Гегель. Работы разных лет. Т. 2. М., 1971.
- [8] 7 (14). Гегель — Шеллингу. Чугг близ Эрлаха, через Берн, 30 августа [17]95 г. // Гегель. Работы разных лет. Т. 2. М., 1971.

References

- [1] 97 (271). Hegel to Niethammer, Nuremberg, July 5, 1816. In: Hegel. *Works of various years*. Vol. 2. Moscow; 1971. (In Russian).
- [2] 4 (10). Schelling to Hegel. Tübingen, February 4, [17]95. In: Hegel. *Works of various years*. Vol. 2. Moscow; 1971. (In Russian).
- [3] 5 (11). Hegel to Schelling. April 16, [17]95. In: Hegel. *Works of various years*. Vol. 2. Moscow; 1971. (In Russian).
- [4] 144 (450). Hegel to Дюбоку. Берлин, April 29, 1823. In: Hegel. *Works of various years*. Vol. 2. Moscow; 1971. (In Russian).
- [5] 75 (200). Hegel to Niethammer, Nuremberg, March 24, 1812. In: Hegel. *Works of various years*. Vol. 2. Moscow; 1971. (In Russian).
- [6] 73 (196). Hegel to Niethammer, Nuremberg, October 10, 1811. In: Hegel. *Works of various years*. Vol. 2. Moscow; 1971. (In Russian).
- [7] 6 (13). Schelling to Hegel. Tübingen, July 21, [17]95. In: Hegel. *Works of various years*. Vol. 2. Moscow; 1971. (In Russian).
- [8] 7 (14). Hegel to Schelling. Tschugg—Erlach via Bern, August 30, [17]95. In: Hegel. *Works of various years*. Vol. 2. Moscow; 1971. (In Russian).

Сведения об авторе:

Соболева Майя Евгеньевна — доктор философских наук, старший научный сотрудник, Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия; экстраординарный профессор, Марбургский университет, Марбург, Германия; старший научный сотрудник, Университет Клагенфурта, Клагенфурт, Австрия (e-mail: Mayya.Soboleva@aau.at).

About the author:

Soboleva Maja — DPh., Dr. Habil., senior research fellow, Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia; extra-ordinary professor, Philipps-University of Marburg, Marburg, Germany; senior research fellow, Alpen-Adria-University of Klagenfurt, Klagenfurt, Austria (e-mail: Mayya.Soboleva@aau.at).